

Сборы и суета затянулись, и когда Чун Ю и Чун Дай наконец начали подниматься на гору, солнце уже склонялось к закату.

Чун Ю сделал лишь несколько шагов по каменным ступеням, когда Чун Дай мягко окликнул его. На его поясе висел шелковый мешочек для благовоний с вышитым цилиндром. На его обратной стороне скрывался потайной кармашек. Он достал оттуда две зеленоватые пилюли и протянул спутнику.

Зажав круглые крупички между пальцами, Чун Ю с любопытством оглядел их.

— Что за чудодейственное снадобье ты носишь с собой, Цзыхоу?

Чун Дай улыбнулся:

— Это «Мускусная холодная роса».

— «Мускусная холодная роса»? — переспросил Чун Ю. — Для чего она?

Он поднес пилюлю к лицу. Тонкий, чистый аромат мгновенно проник в грудь, принося удивительную свежесть, разум его тотчас прояснился.

— Она готовится из мускуса, борнеола и «росы» — утренней росы, собранной на рассвете, — пояснил Чун Дай. — Снадобье прекрасно защищает от ядов и разгоняет усталость. Здесь, на Заставе Небесного Замка, леса густые, а горы крутые. Ваша жизнь бесценна, принц, посему осторожность не повредит.

Чун Ю поднял взгляд и пристально посмотрел на него.

— Твоя заботливость не знает границ, Цзыхоу, — негромко произнес он. — Неудивительно, что пред лицом Его Величества тебя величают истинным благородным мужем.

С этими словами принц отправил пилюлю в рот и, больше не задерживаясь, зашагал вверх по тропе.

Услышав эти слова, Чун Дай на мгновение замер в растерянности, но быстро опомнился и поспешил следом, так и не найдя, что ответить.

В молчании они поднимались около получаса. Когда сумерки окончательно сгустились над горами, они наконец вышли к зубчатой стене заставы. Чун Дай огляделся и с удивлением воскликнул:

— Эта стена выглядит совершенно заброшенной!

На парапете не было ни часовых, ни следов подготовки к обороне. Вокруг уныло темнели заросли бирючины, из стыков между замшелыми плитами пробивались густые пучки сорной травы. Дальше, за кустами, смутно вырисовывались силуэты сосен и кипарисов, но из-за долгой засухи их зелень казалась безжизненной, серой под покровом наступающей ночи.

По обе стороны от Заставы Небесного Замка высились грозные пики. Справа, на самом горизонте, едва заметно мерцали огни надвратной башни Заставы Медной Горы. Слева же громоздилась Застава Опасных Круч — она была заметно выше Медной Горы, вздымаясь к небу неприступной стеной. На ее вершине белели шапки вечных снегов, тускло сиявшие в холодном лунном свете.

Чун Ю отыскал выступающий из кладки камень и опустил на него. Пилюля во рту уже растворилась, оставив легкую, приятную горечь, сменившуюся живительной прохладой, которая мягко разлилась по горлу.

Опершись ладонями о холодный камень бойницы, Чун Дай подался вперед. Застава Небесного Замка стояла на самом краю пропасти: стена обрывалась отвесной кручей в десятки чжанов, уходящей в непроглядную бездну. На севере простиралась бескрайняя равнина, не знающая преград. Кое-где во тьме вспыхивали редкие искры костров — там стояли лагерем отряды бэйди. Трудно было поверить, что грозный враг находится так близко к рубежам Великой империи.

Прежде Чун Дай не раз изучал карты здешних мест и никак не мог взять в толк, отчего стратегические запасы провианта и снаряжения держат в этой низине, открытой всем ветрам и столь уязвимой для удара. Но теперь, глядя с высоты стен, он воочию убедился: застава не зря заслужила свое имя — она поистине запирала проход, нависая над врагом неодолимой преградой.

Воины бэйди славились неистовством в бою, полагаясь на свирепую конницу и метких лучников. Их главным сокровищем были кони породы «Захватчик Ночи» — невысокие, но невероятно выносливые и злобные скакуны, способные мчаться сквозь ночной мрак без усталости. Силой они превосходили обычных армейских лошадей империи в десятки раз. И хотя городок НАОЭР прятался среди суровых горных хребтов, малорослые «Захватчики Ночи» без труда преодолевали узкие тропы, что делало их идеальными для внезапных налетов. Совершив стремительный удар, кочевники мгновенно растворялись в горах, возвращаясь на свои земли незамеченными. Несколько карательных походов имперских войск закончились ничем именно из-за этой неуловимости врага.

Но Застава Небесного Замка, воздвигнутая на неприступном утесе, прикрывала Медную Гору, а с востока ее поддерживала Застава Опасных Круч. Сам замок укрывался в глубоком ущелье Великих Синих Гор. Да и как коннице кочевников вскарабкаться по отвесной стене вышиной в сотню локтей? Если же враг дерзнет сунуться в обход, ворота Медной Горы и Опасных Круч распахнутся, имперские полки ударят с флангов и зажмут неприятеля в тиски. Разгромить их здесь будет проще простого.

Быстро оценив обстановку, Чун Дай погрузился в раздумья. Внезапный порыв ветра разогнал дымку облаков, наружу выплыл бледный полумесяц, залив холодным серебром древние камни.

Чун Ю не сводил с него глаз, наблюдая, как тот то хмурится, то едва заметно кивает собственным мыслям. Лунный свет мягко очерчивал силуэт собеседника, чье жемчужно-белое одеяние трепетало на ветру. Принц поднялся, бесшумно приблизился и ладонью осторожно расправил складки на его плече.

Чун Дай вздрогнул, резко обернулся и встретился взглядом с принцем. Перед ним было лицо, до боли похожее на облик Чун И, и взгляд принца горел тем же обжигающим огнем.

Их взгляды соприкоснулись лишь на мгновение. Тот сразу отступил на два шага назад и почтительно склонил голову. Чун Ю втайне досадовал на эту непреклонную вежливость, столь похожую на холодное отчуждение.

Негромко вздохнув, принц отвернулся к раскинувшейся внизу бездне.

— О чем ты печалишься, Цзыхоу?

— Ваш покорный слуга лишь думает о том, что застава и впрямь неприступна, — негромко ответил Чун Дай. — Но здешняя дисциплина внушает тревогу. Посты пусты, дозоров нет... К военному делу здесь относятся как к забаве. Позвольте спросить, кто командует гарнизоном этой заставы?

Чун Ю кивнул:

— Неужели ты не знаешь, кто здешний гарнизонный офицер? Это Линь Юйцзинь.

— Линь Юйцзинь? — переспросил Чун Дай. — Тот самый племянник левого главного цензора Линь Маньту?

— Он самый. Племянник важного сановника третьего ранга. Каждый год через руки этого господина проходят казенные средства и провиант, отправляемые на границу. Пост этот он занимает уже четыре года, и, поговаривают, успел обзавестись богатыми поместьями в столице, Сучжоу и Нанкине. Откуда средства — думаю, объяснять не надо.

— Обычный офицер, а столько дерзости! — с негодованием воскликнул Чун Дай. — Неужели он не боится, что слухи дойдут до ушей Его Величества? Бог с ним, с воровством, но за такое пренебрежение службой и за неготовность к обороне в военное время полагается плаха!

Чун Ю некоторое время молчал, прежде чем ответить:

— Линь Маньту — старый слуга, прошедший через три правления. Еще покойный император безгранично доверял ему и даровал редкую милость высказывать правду в лицо без страха казни. Девять лет он возглавляет Цензурат и слывет преданным псом престола. Но у него нет сыновей, лишь этот племянник, в котором старик души не чает. Пользуясь покровительством дяди, Линь Юйцзинь вконец обнаглел: врет государю, обманывает подчиненных и творит бесчинства.

— Если Вашему Высочеству все ведомо, почему вы до сих пор не открыли глаза государю? Неужто и вы боитесь гнева старого цензора?

Чун Ю негромко рассмеялся:

— Я стою во главе Военного министерства три года, разумеется, мне известна каждая мелочь. Да и думаешь ли ты, что император слеп? Просто сместить паршивого офицера — дело куда более тонкое, чем тебе кажется, Цзыхоу.

Он сделал паузу и добавил:

— Линь Юйцзинь не просто племянник цензора. Он к тому же верный ставленник великого генерала Фу Юаньтая. Свое звание он получил после сдачи военных экзаменов, и старый генерал лично способствовал его назначению. Связи между ними слишком крепкие, потому Его Величество и предпочитает смотреть на это сквозь пальцы, дабы не тревожить лишней раз армию.

Услышав это, Чун Дай помрачнел, мысленно взвешивая новые обстоятельства.

Заметив его молчание, Чун Ю решил сменить тему:

— Поговаривают, вы с Юаньшанем были дружны не разлей вода.

Чун Дай вздрогнул. Он не понимал, к чему принц вдруг вспомнил о Фу Исяне.

«Сяошань...» — при одной мысли о нем в груди поднялось щемящее смятение.

Не в силах совладать со своими чувствами, он лишь безмолвно покачал головой. Чун Ю заметил это мимолетное замешательство, и на сердце у него стало тоскливо.

— К чему отпираться, Цзыхоу? — с затаенной горечью произнес принц. — Тот случай у Ворот Воинственного Превосходства, когда он посреди дороги преподнес тебе флейту, взбудоражил всю столицу.

— Неужели... Его Величество... — Чун Дай не договорил, уставившись на собеседника.

— Разумеется, император затаил обиду, и тебе ли этого не знать, Цзыхоу, — вздохнул Чун Ю. — Его Величество рос вместе с ним и все эти годы неизменно выделял его среди прочих. Император знает о Фу Юаньшане куда больше, чем тебе кажется. В тот день этот безумец повел себя слишком безрассудно. И пусть все увидели в нем пылкого романтика, пред лицом государя подобные порывы недопустимы.

— И... государь покарал его? — выдавил Чун Дай.

Чун Ю покосился на него и сухо обронил:

— Опалы не случилось. Однако тем же вечером Его Величество вызвал его в Зал Резонирующей Гармонии. Похоже, Юаньшань сумел довести государя до белого каления, за что и получил пощечину.

— Что?.. — Чун Дай неосознанно отступил на несколько шагов, сжав кулаки. — Император поднял на него руку? Но почему?

— Он сказал императору: «Слезы омыли одежды мои, и песнь флейты звучит лишь для того, кого жаждет увидеть душа».

После расставания у Ворот Воинственного Превосходства их связь оборвалась. Ни одного письма, ни одной весточки. До Чун Дая доходили лишь сухие казенные отчеты из столицы, в которых не упоминалось имя его друга. И теперь, внезапно узнав об унижении, которому подвергся Фу Исянь, он почувствовал, как сердце сжимается от острой боли и чувства вины.

Чун Ю впервые видел Чун Дая в таком смятении. Это лишь подтверждало то, о чем он догадывался: чувства к Фу Исяню были глубоки и искренни. От этой мысли на душе у принца стало еще сквернее.

— Наш государь всегда величал его величайшим талантом поколения, — заговорил он упавшим голосом. — Поначалу я не верил, видя в нем лишь смазливую юнца. Но позже, когда он начал давать советы государю — дельные, тонкие советы, удивительные для новичка при дворе, — мне пришлось признать его ум. Но тогда, у ворот... Твоя флейта, его песня, потрясшие три армии... Какое величие! Но император на своем троне бесконечно одинок. Как, по-твоему, каково ему было видеть, что ваши души бьются в один такт?

Договорив, Чун Ю осекся, почувствовав, что выдал собственные скрытые раны, и смутился. Но быстро взял себя в руки:

— Когда пред лицом Его Величества ты уверял, будто лишь слегка разумеешь музыку и не умеешь играть на флейте, я не поверил ни единому слову. Цзыхоу, мы ведь договорились забыть о чинах и званиях и назвались братьями. Ночь сегодня тиха, луна полна и ясна. Не согласишься ли ты сыграть для своего названного брата, чтобы почтить эту суровую красоту запредельных земель?

Чун Ю просил так искренне и горячо, что Чун Дай не нашел в себе сил отказать. Он медленно коснулся висевшей на поясе флейты из пурпурного бамбука, на мгновение задумался, поднес ее к губам и выдохнул первую ноту.

Мелодия потекла тихо и робко, кружась в воздухе, словно застывшие на лету облака или сонные, замершие воды. Но вскоре звук окреп, взмыл ввысь, чистый и нежный, исполненный глубокой, протяжной тоски. Так бьется драгоценная яшма, так кричит раненый феникс в небесах, так безутешно шуршит осенний дождь по жухлой листве. Голос бамбука, подхваченный ночным ветром, поплыл над ущельями, неземной, звенящий, двоящийся эхом среди скал. Каждый лад древней песни отзывался своим чувством: первый дышал нежностью, второй исходил глухой обидой, третий дрожал безутешной скорбью, а четвертый сочился незаживающей раной. Под эти звуки замолкли ночные птицы в лесах, увядшие травы задрожали под тяжестью слез-росинок, безмолвно вторя этой песне, способной разорвать на части любое живое сердце.

<http://bllate.org/book/19874/2040664>